

# МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 821.16: 81.373.46

ГРНТИ 16.21.63

*Виктор Шетэля*

## **Славянский след в немецкой топонимике польской Прибалтики (Pomorza): к постановке вопроса**

В статье рассматриваются факты употребления в разную эпоху топонимов так называемых «спорных» территорий современной польской Прибалтики – Поморья (Pomorza). Вопрос рассматривается на примере Кошалинского воеводства с центром Кошалин (Koszalin), находящимся в разное время то под германской (до 1945 года), то под польской юрисдикцией (в настоящее время). На примере топонимов этого региона делается попытка ответить на вопрос, какие из названий местностей являются исконно немецкими и полонизированными в послевоенное время, а какие славянскими (польскими) в германское время, скрытыми под немецкой номинативной формой.

Ключевые слова: антропоним, германизм, германизация, заимствование, полонизация, полонизм, топоним.

*Victor Szetela*

## **Slavic Trace in the German Toponymy of the Polish Baltic States (Pomorza): to Pose the Question**

The article deals with the facts of the use of place names in different eras in the so-called "disputed" territories of the modern Polish Baltic States, Pomorza. The issue is considered on the example of Koszalin Voivodeship with the center of Köslin (Koszalin) at different times, being under German (before 1945), then under Polish jurisdiction (now). On the example of toponyms of this region, an attempt is made to answer the question of which of the names of localities are originally German and Polonized in the post-war period, and which are Slavic (Polish) in German time hidden under the German nominative form.

Key words: anthroponym, Germanism, Germanization, borrowing, Polonization, polonism, toponym.

Определенный интерес вызывают топонимы так называемых «спорных» территорий современной Польши. Примером таких «спорных» территорий, т.е. земель, в разное время принадлежащих Германии или Польше, может послужить Кошалинское (Koszalińskie) воеводство с его городами, существовавшее с 1950 по 1995 гг. с центром в городе Кошалин (польск. Koszalin). По внутривосточной административной реформе, проводимой в 90-ых годах XX века, восточная часть Кошалинской земли в 1995 г. была отдана Поморскому воеводству (центр Гданьск – польск. Gdańsk, нем. Dancig), а западная часть – Западно-Поморскому воеводству (центр Щецин – польск. Szczecin, нем. Stettin). Названные Поморское и Западно-Поморское воеводства также попадают под определение «спорных» территорий с их городами и селами. Остановимся, однако, на несуществующем уже в настоящее время Кошалинском воеводстве. Его административный центр город Кошалин ведет свою историю с 1214 г. под названием Кошалице: польск. Koszalice, нем. Cossalitz.

XII–XIII века – период интенсивной германизации этих земель. С тех пор город носит официальное название Кёзлин (нем. Köslin). В 1816–1945 гг. Köslin является административным центром (регентством) прусской провинции Померания. В ходе Восточно-Померанской операции Красной армии город Köslin 4 марта 1945 г. был освобожден от гитлеровских войск, и эта часть Pomorza с городом Koszalin вошла в состав ПНР.

Француз Ж.-Б. Ладвок в своём энциклопедическом словаре отметил: «**Помералия**, Pomerallia, Польская округа; к Северу имеет море Балтийское, к Вост. Пруссия, к Западу по ту-сторонняя Померания. Под владением Короля Прусского со времени раздела Польши, 1773. Гданск главный город» [2, IV, с. 122].

Даже эта заметка дает возможность увидеть изменения на политической карте конца XVIII века, а также предположить, что в Померании могло существовать славянское (польское, кашубское, словинское) население, а вместе с тем и славянские названия местностей. Владелец поместья с польским или немецким антропонимом своим авторитетом мог закрепить топоним, происходящий от его фамилии (славянской или немецкой). Не всегда так и происходило, то есть не всегда антропоним отразился в топониме, но происхождение владельца или очередных владельцев местности может объяснить истоки и то, как формировалось окончательное название этого места. Скажем, современный польский Biesiekierz под немецким названием Biziker – Bitzicker был с 1766 г. родовым поместьем von Kamke. Затем до конца XIX века находился в руках графа von Hertzberg, фамилия которого являлась германизированным

антропонимом представителя славянской местной шляхты Arcemberski. В современном названии Biesiekierz никак не отразился этот последний факт, но в современной польской топонимике отметилась немецкая фамилия von Parsow, которая сохранилась в современном польском топониме Parsowo (местность с 1172 г., долго до 1658 г. принадлежала von Parsow, а затем перешла в руки померанских дворян von Heydenbreck).

В рецензии на монографию Эдварда Брезы «Истоки прозвищ шляхты Гданьского Поморья» (Breza E. Pochodzenie przydomków szlachty Pomorza Gdańskiego: Ze studiów nad antroponimią Pomorza Gdańskiego. Gdańsk: Uniwersytet Gdański, 1978) профессор Гданьского университета Ежи Тредер отметил, что дворяне данного региона не были немцами, а только в 38 случаях из 756 такими являлись [6, с. 37]. Профессором Е. Тредером даются примеры фонетико-морфологических искажений славянских топонимов и антропонимов на этих землях. Подобное могло происходить и на Кошалинских (Кислинских) территориях.

Если заглянуть глубже в историю, то следует учесть, что эти земли были родиной балтийских славян, истребленных в средние века германскими и польскими князьями. Предполагается, что топонимы балтийских славян могли быть ассимилированы немецким языком. И именно здесь также следует искать славянский след. Вспомним, что о славянских народах и двойных топонимах этих мест писали в свое время А. Ф. Гильфердинг [1] и И. И. Срезневский в рецензии на эту работу [3, с. 380–381] и другие.

Это известный случай, когда повсеместно в ходу были и польские, и немецкие названия одних и тех же местностей. Даже в российской печати разных времен употребляются двойные названия местностей: немецкое и польское, или польское и немецкое [4, с. 399–411; 5, с. 430–438].

В новых геополитических условиях, после II мировой войны, немецкие топонимы этой земли начали переписываться на польский лад. В связи с этим, интерес вызывает вопрос о том, по какому пути пошли реформаторы: они полонизировали старые немецкие названия, или же вернули старые славянские названия, которых основы, возможно, скрывались до сих пор в немецкой топонимике? Действительно ли наличествовали в основе немецких названий славянские корни, основы? А может быть «славянское, польское в немецком» сохранилось по причине того, что существовали носители такого употребления? Имеется в виду факт проживания в этих местах польского, кашубского, словинского населения, которое как раз и называло местность «по-своему», что и официально закрепилось в немецкой топонимике. Трудно определить, являются ли достаточно иллюстративными в данном вопросе примеры: нем.

Krzanowitz – польск. современное: Krzanowice; нем. Radlau – польск. Radłowice; нем. Czarnowanż – польск. Czarnowasy; нем. Borrek – польск. Borki; нем. Zirkowitz – польск. Żerkowice; нем. Chmiellowitz – польск. Chmielowice; нем. Winau – польск. Winów; нем. Bubliz – польск. Bobolice; нем. Nessau – польск. Nieszawa; нем. Leukow – польск. Lejkowo; нем. Thunow – польск. Dunowo.

Возможно, что современный топоним Świąszyno (нем. Schwessin, Kreis Köslin) – местность вблизи Кошалина, произошел от славянского имени Świąsz. Впервые название местности отмечено в документах 1300 г. в форме Suessyn. Документ касается передачи земель монастырю в Köslin. В начале XVI века деревня оказалась предметом судебного спора между немецкими землевладельцами.

Несомненно, древним славянским является современный польский топоним Darłowo, название которого происходит от богатых рыбой морских мест. С 1312 года местность носила название Rügenwalde, а раньше Fischereigabe – возможный перевод названия Darłowo. По записи 1205 г. – Dirlow, по записи 1881 г. – Darł. В польское время после 1945 г. название Darłowo формировалось и имело этапное название Derłów.

Впрочем, ряд названий местностей этого региона проходил подобную эволюцию, см., напр.: современное польское село Cewelino – немецкое Zewelin по записям было: Czeffelin (1507 г.), Czevelin (1527 г.), Zeffelin (1780 г., 1779–1785 гг.), Zewelin (1804 г.) и Cewelino (с 1945 г.). Данный пример с топонимом Darłowo показывает, что, если копнуть в истоки названия типа Fischereigabe, то в подобных названиях можно найти славянский элемент даже в том случае, когда названия создавались переводом (полным или частичным), и казалось бы, что от славянского (польского, кашубского, словинского) там ничего не осталось. Интересно было бы проследить, как долго и постоянно ли топоним Darłowo и другие функционировали не только в польском, а и в кашубском языке.

Если вернуться к делам польской комиссии, то возможно ли, что городам присваивались названия по каким-то местным географическим и другим признакам? Может быть, немецкое название по ассоциации с польским словом являлось основой для словообразования. Напр., будут ли здесь достаточно иллюстративными в данном вопросе такие: нем. Dramburg – польск. Drawsko Pomorskie; нем. Fiddichow – польск. Widuchowa. Возможно, подобный случай показывает нам немецкий топоним Rummelsburg, переименованный в польское название – Miastko, то есть, если дословно: ‘местечко’; или же частичный перевод немецкого названия Gros Möllen в польск. Mielno, что и в немецком,

и польском случае мотивировано тем, что при въезде в этот город махали крыльями ветряные мельницы, движимые морским бризом. Устье реки Слупи, Słupia (нем. город Stolpmünde) дало возможность назвать город Ustka. Для нас немотивированными названиями остаются: нем. Soldin – современный польск. Myśliborz; нем. Wesseken – совр. польск. Osieki; нем. Neuwasser – совр. польск. Dąbki; нем. Horst – совр. польск. Świerkle и другие.

Таким образом, рассматривая вопрос славянского следа в немецких топонимах, которые просуществовали на Киослинской (Кошалинской) земле до 1945 г., необходимо было затронуть не только эту основную проблему, а и другие вопросы, связанные с историей топонимов этих территорий. В настоящее время жители Кошалина добиваются, чтобы их воеводство было восстановлено под названием Центральное-Поморское. Было замечено, что на шоссе данного воеводства появились дорожные знаки с польскими и немецкими названиями местностей, что объясняется рекомендацией Евросоюза такие обозначения ставить. Возможно, что подобная ономастическая экспансия и является одной из причин, по которой жители Польши желают уйти из союза европейских стран.

#### Список литературы

1. Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян // Москвитянин. 1854. Т. III. № 10. Отд. II. С. 33–58; Т. IV. № 13. С. 1–26; № 15. С. 91–108; Т. V. № 18. С. 29–86. 1855. Т. II. № 7. С. 1–62; № 8. С. 1–72; Т. III. № 10. С. 85–144.
2. Ладвок (Ladvoct) Ж.-Б. Словарь географический. СПб., 1791. Ч. I–IV.
3. Срезневский И. И. История балтийских славян // Известия Отделения русского языка и словесности. СПб., 1855. Т. IV. Вып. 2. С. 380–381.
4. Шетэля В. Польская топонимика в русских текстах разных лет // Преподаватель – XXI век. М.: МПГУ, 2017. № 1. Ч. 2. С. 399–411.
5. Шетэля В. О гидронимах бассейна реки Висла и Одер в русских текстах разных лет // Ономастика Поволжья: материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти ее организатора В. А. Никонова (Ульяновск 20–23 сентября 2017 г.) / под ред. С. В. Рябушкиной, В. И. Супруна, Е. В. Захаровой, Е. Ф. Галушко: в 2 т. Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», 2017. Т. 1. С. 430–438.
6. Treder J. Pomorskie przydomki szlacheckie // Pomerania. Gdańsk, 1979. № 1 (84). S. 36–38.

#### References

1. Gil'ferding A. F. *Istoriya baltijskikh slavyan* [History of the Baltic Slavs] *Moskvityanin* [Moskvityanin]. 1854. T. III. № 10. Otd. II. S. 33–58; T. IV. № 13. Pp. 1–26; № 15. Pp. 91–108; T. V. № 18. Pp. 29–86. 1855. T. II. № 7. Pp. 1–62; № 8. S. 1–72; T. III. № 10. Pp. 85–144.
2. Ladvoct (Ladvoct) Zh.-B. *Slovar' geograficheskij* [Geographical dictionary]. St. Petersburg, 1791. Ch. I–IV.

3. Sreznevskij I. I. *Istoriya baltijskih slavyan* [History of the Baltic Slavs] *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti* [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature]. St. Petersburg, 1855. T. IV. Vyp. 2. Pp. 380–381.

4. SHetelya V. *Pol'skaya toponimika v russkih tekstah raznyh let* [Polish place names in Russian texts of different years] *Prepodavatel' – XXI vek* [Lecturer – XXI Century]. Moscow: MPGU, 2017. № 1. CH. 2. Pp. 399–411.

5. SHetelya V. *O gidronimah bassejna reki Visla i Oder v russkih tekstah raznyh let* [On the hydronyms of the Vistula and Oder river basin in Russian texts of different years] *Onomastika Povolzh'ya: materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 50-letnemu yubileyu pervoj Povolzhskoj onomasticheskoy konferencii i pamyati ee organizatora V. A. Nikonova (Ul'yanovsk 20–23 sentyabrya 2017 g.)* [Onomastics of the Volga Region: materials of the XVI International Scientific Conference dedicated to the 50th anniversary of the first Volga Onomastic Conference and the memory of its organizer V. A. Nikonov (Ulyanovsk September 20–23, 2017)] pod red. S. V. Ryabushkinoy, V. I. Supruny, E. V. Zaharovoy, E. F. Galushko. V 2 t. Ul'yanovsk: FGBOU VO «UIGPU im. I. N. Ul'yanova», 2017. T. 1. Pp. 430–438.

6. Treder J. Pomorskie przydomki szlacheckie // *Pomerania*. Gdańsk, 1979. № 1 (84). S. 36–38.